

*Стихи участников
Воронежского
областного
совещания
молодых
литераторов
2022 года*

ПИСЬМО БЕЗ ОБРАТНОГО АДРЕСА

Юлия Богданова

**КАК ЭТО ВАЖНО —
СВОЙ ДОМ ЛЮБИТЬ**

Как это важно — свой дом любить...
Любой, самый старый, совсем не крепкий.
Как важно уметь в нем счастливой быть
В часы опадающих листьев с ветки...

Любить не за то, что он твой,
«замечтанный».
Любить просто так, горячо и искренне.
За то, что стены его отмечены
Твоими взглядами, твоими встречами...

За то, что делит с тобой все радости.
За то, что прячет тебя уставшую.
За то, что в мудрой, глубокой старости
Он будет помнить тебя как «младшую»...

Не важно, сменится он — останется.
Не важно, будет стеной или улицей.
Твой дом в твоей же душе окажется
И в каждом месте тебе будет чудиться!..

г. Воронеж

Ольга Булахтина

* * *

Я как праздника жду снегопада
В эту пору скучающих луж,
Будто осень — немая преграда
На пути к очищению душ.

Молча с хмарью свинцовой свыкаюсь,
Мы себя тянем в омут, и все ж,
Перед совестью нехотя каюсь,
Лишь сильнее погружаемся в ложь.

Но в душе что-то рвется как будто
В светлый миг, в зимний час. Потому
Белый дар, первый снег я как чудо,
Как Причастие тихо приму.

* * *

Осень листья на волю отпустит,
Не сумев от себя уберечь.
Вспомню вновь и с улыбкой, и с грустью
Золотое тепло летних встреч.

Было все там, как в сборниках скучных:
Соловьи, Млечный Путь и луна.
Только, жанра законы нарушив,
Мы любовь не испили до дна.

В чем глаза признавались несмело,
Мы губами сказать не смогли.
И душа, словно лист пожелтельный,
Не покинет остывшей земли.

* * *

Встреча с собой через целую жизнь:
Как душе от волнений не маяться?
В точке отсчета дороги сошлись.
Возвратилась на родину странница.

Только лишь там, где по детским следам
Ты растерянной тенью из прошлого
Тихо бредешь, ясно видишь вдруг сам
И плохое в себе, и хорошее.

Там, где как будто все так же звенят
Голоса друзей детства растроченных,
Стоит на миг оглянуться назад —
И пропал, смутной грустью охваченный.

Юный смеющийся собственный взгляд
Колко в сердце притихшем откликнется.
Каждый сильнее всего виноват
В том, что к той чистоте не приблизится.

Там, где дороги и годы сошлись,
Разобраться мятежно пытаемся,
Сильно ли мы изменились за жизнь...
Может быть, мы вообще не меняемся.

г. Воронеж

Виктория Бушманова

РОМАШКОВЫЙ ЛУГ

Мечтаем мы все о счастье.
Вот только какое оно?
Мы бьемся порой на части.
Мы ищем его давно.

Дворцы? Золотые горы?
Любимый и преданный друг?
А может, для счастья нужен
Всего лишь ромашковый луг.

Бежать босиком по солнцу,
Купаться в его лучах,
Горячие нежные взгляды
Ловить на своих плечах!

Срывать на ходу ромашки,
В охапке держать букет
И думать: «Какое счастье!
Такого на свете нет».

Упасть на траву с разгона!
Чихнуть от желтой пыльцы.
Увидеть пчелу и подумать:
«Какие они молодцы!»

Взять с листика божью коровку,
На палец к себе посадить
И так же, как в детской считалке,
На небо ее отпустить.

А после, когда росинки
Коснется багряный закат,
Домой брести по тропинке,
Задумчивый делая взгляд.

Зачем же биться на части,
Не видя красоты вокруг?
Ведь вот оно! Вот оно счастье —
Вот этот ромашковый луг!

г. Острогжск

Дарья Вторникова

* * *

Были у меня друзья. Хорошие, слепые. Трогали мой рот, трогали мой нос и восторгались; какие расщелины, какие горы — говорили они. Восторгались: в каком прекрасном мире мы живем! Спасибо, Бог! Но слепых мало, да и лицо мое не бесконечное. Говорю им, это не мир, это всего лишь я. А они не обижаются и смеются лишь на меня. Слепые сворачиваются котятками и мяукают о прекрасности мира. Но все это мяуканье почему-то принимают за плач. Жалобно так выходит; не хватает, говорят, желания в их голосах. А какое может быть желание, если есть восторженность? Слепые не любят меня больше, потому что я их разочаровываю; они меня спрашивают, который час? А я им отвечаю. Половина десятого. И так в следующий раз, и в следующий. Они сердятся и уходят. Но что я могу сделать, если не умею врать? Не могу я как другие: половина пятого, четверть первого; время ушло, время пришло. Я не видела этого времени, зачем мне о нем им врать тогда? А Время меня видело; я молодая, местами даже слишком. У меня не зажили до конца рубцы от подросткового акне, розовеют на щеках. Тело молодое, не падавшее. Так, шлепнулась пару раз, но это не в счет, раз без шрамов. Все любят ковырять болячку на коленках. А слепые их гладят и говорят, это лава застыла на подножиях вулкана. Хочу, чтобы все во мне видели Бога. Но так нельзя. Нельзя видеть. Иначе ослепнешь. Вот слепые и гладят меня своими шершавыми языками. А я что?

г. Воронеж

Надежда Глущенко

РЕБЯТ НЕ ТРОГАЕТ ВОЙНА

Ребят не трогает война.
И их сердца не задевают
Солдат простые имена,
В руинах целая страна,
Они как будто племена,
Которые родства не знают.

И показной патриотизм
Не станет существу спасеньем,
Ни плачем, ни мольбой, ни пеньем,

Ни денным и ни noctным бдением
Вы не вернете чью-то жизнь.

И не заставишь понимать —
Тех, кто родился бессердечным, —
Как это просто — умирать,
Но даже мертвым в бой вставать,
Врага идти и убивать,
Но оставаться человечным.

Услышать трудно об одном
В военных запыленных песнях,
Что мы не просто их поем,
Что на земле за них живем,
Кто под пылающим огнем
Добился, чтоб мы жили с честью.

Как это можно просто быть,
Благодарить за жизнь без края,
И память чтить, и тех любить
Для кого родина святая,

Как это можно не ценить,
Сколь ни живу, не понимаю.

* * *

Красивей, чем Любовь Орлова,
Смелей, чем кто-либо из нас,
Она явилась, мастер слова,
До срока выйдя в свой запас.

С войны душою не вернулась,
Рубила резко и с плеча.
Не церемонилась, не гнулась,
Горела жизнью как свеча.

Ее назад всегда тянуло,
Туда, где все понятно враз,
Где знаешь с пулеметным дулом,
Кто друг твой, а кто враг сейчас.

Жила и каждый день ценила,
Учила Родину любить.
Но то, что предали Россию,
Она нам не смогла простить.
Ушла солдаткой-недотрогой,
В стихах оставив нам свое.
Оставшись честною и строгой,
И звали Друниной ее.

*с. Березово,
Павловский район Воронежской области*

Анастасия Ермилова

ОСОЗНАНИЕ

В конце туннеля я вижу свет.
Там человек стоит, волос сед.
Он машет пальцем, кричит, что слеп
И еле дышит.

И я смотрю на него и жду,
Что скажет дальше, но на ветру
Слова теряются и шумят
И я молчу.

Мне так знакомы его черты,
Врезаясь в память, меня они
Приводят к свету, но через миг
Я вижу осень.

Я подхожу к нему, я в слезах,
Я вижу луч на своих руках.
Я понимаю, что это знак —
Он что-то просит.

Перед глазами сплошной туман.
Боюсь, что это опять обман.
Мое сознание — мой тиран.
Смеясь, он спросит:

«Ты узнаешь меня, милый друг?
У нас вдвоем один сердца стук.
Я наблюдаю, как твой испуг
Сменяет ужас.

Я так похож на твою вину,
На стыд и совесть. Но не пойму,
Как ты привел себя к алтарю
И что ты хочешь?

Всю жизнь я шел за тобою вслед,
Но так и не получил ответ:
Какой душа твоя носит цвет?
И есть ли он?»

Я обомлел, как узнал его.
Я понял, кто предо мной иль что.
А так же понял, что свет есть я.
А я есть зеркало.

* * *

Когда вокруг умолкнут голоса,
Когда не будет видно птиц на небе
И станет черной жизни полоса,
На озере заплачет белый лебедь,

Тогда и я, взмахнув своим крылом,
Покину дом, что сердцу очень дорог,
Переверну страницу. Старый том
Останется лежать, как листьев ворох.

*с. Петропавловка,
Воронежская область*

Евгения Зайцева

* * *

Все помнит живая память,
Листая
 без остановки
Минувшие кадры детства,
Что памятны до сих пор.

Все помнит живая память,
А звуки
 давно умолкли,
Когда-то они оживляли
Прабабушкин старый двор.

Сейчас он один в деревне,
Ни бабушек нет, ни Шахты:
Запутанных людных улиц,
Автобусов на горе...

Уже много лет мне снятся
Цветочных полей ландшафты,
Что дарит цветы бабуля
Улыбчивой детворе.

Как летом всегда хотелось
Утят накормить в сарае
И мягким смешным игрушкам
Из листиков суп сварить!

Все помнит живая память,
Жаль —
 быстро мы вырастаем,
Теперь жизнь течет иначе:
Другой у планеты ритм.

ПИСЬМО БЕЗ ОБРАТНОГО АДРЕСА

Мама, сколько мест проплыли:
надрывали спины, жилы, мерзли на горе.
Наедались сыром, редькой...
Помогали птицам редким — ангелам морей.

Нет штормов сейчас в проливе.
Мы на волю отпустили серого кита:
Их осталось очень мало, смотрят на людей устало —
Надо ли считать?

Побережья воздух свежий.
Ждем на острове Медвежьем добрых новостей...
Таит лед в Норвежском море, местный лагерь на угорье
С ветром опустел.

Здесь, конечно, голец, нерпы, но порой теряем нервы —
Гибнет океан.
Толку с наших экспедиций — рыбам смертью не напиться,
Не стерпеть обман...

Выезжаем в первых числах, но боюсь, беда случится —
Изведут всех рыб:
И треску, и сельдь, и нерпу, даже если остров стерпит —
Море не простит.

Что-то расписалась... Хватит
Заполнять листы в тетради — спрячу в целлофан...
Вновь без адреса конверты отпускаю вместе с ветром —
Всё.
Целую,
Мам.

г. Воронеж

Анастасия Картавцева

САНТА

В «Доме торговли» напротив входа продавался веселый Санта.
Он был огромный — два метра ростом вместе с подставкой.
И он танцевал в ярко-алом костюмчике, не двигаясь с места.
Шевелил руками, хрустел коленями,
но за скрипением «Jingle Bells» этого хруста не было слышно.
Крепкий — он пыхал здоровьем и стоил двадцать две тысячи.
Сумасшедшие деньги!
Тем более для провинции.
Тем более в нулевые.

Санта, как собственная цена высокий,
был размер в размер зарплате местной элиты.
Его называли Дедом Морозом, но он не держал обиды
и продолжал не по-дедовски бодрый танец.
Казалось, он никогда не устанет!
Казалось, он сейчас шагнет с постамента,
подарит игрушку или конфету.
Мы представляли того богача,
который сможет Санту себе позволить.
Новогодние праздники отзвенели стеклянными колокольчиками,
упавшими с елок в коробки на комья ваты.
— Накопим? До следующего года на Санту, мама?
Несерьезно, конечно.
Я понимала: у нас нет денег,
и проводка вообще-то слабая —
не выдержит мощности Санты,
перегорит до первого танца,
как только провод воткнешь в розетку.
Не знаю, где Санта провел первое городское лето.
Но всю следующую зиму
он танцевал в «Доме торговли» — ловкий и сильный.
Про таких у нас говорят: «Не похоже, чтоб много пил».
Санту за несколько лет никто не купил.
А потом «Дом торговли» снесли и построили новое здание.
Не знаю, куда тогда дели Санту.
Я его встретила позже под городской елкой —
уставшего и замерзшего.
Санта не танцевал, лицо его пожелтело.
Похоже, внутри что-то перегорело, сломалось.
Он больше не продавался.
Он уже ничего не стоил.
Снег под его постаментом медленно превращался в воду.
С Новым Годом, бабушка.
С Новым годом!

ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ

*...А принес из подвала стремянку,
Чтобы снять твою тень со стены...*

Владимир Шемшученко

Ты, пожалуйста, верь мне, верь.
Трогал я не стену — плечо.

Черное пятно на канве
К небу устремилось грачом.
Сколько их за первым спешит?
Сколько задохнулось в руках?
Части нашей общей души,
Крестики, пробившие ткань.

Посмотри, я птиц не держу,
Потому что думать устал,
Каково им в холод и шум
С деревянных пялец взлетать,
Каждый взмах терпеть, каждый шаг
За иглу цепляться крылом.

Да куда там — ровно дышать?!
Даже тень нести тяжело.

г. Воронеж